

Елена Зелинская

ДОМ С ВИДОМ НА КОРФУ

Елена Зелинская
Дом с видом на Корфу

«Автор»

2023

Зелинская Е. К.

Дом с видом на Корфу / Е. К. Зелинская — «Автор», 2023

В книге представлены повести и рассказы о разных странах и людях. "Тень наползает медленно, тесня жар к горизонту. Сначала накрывает оливковую рощу, вертикальную, как театральная декорация, потом два ряда домиков, каменистый пляж и полосатые зонтики. Темное покрывало стремительно натягивается на залив, круглый, как подкова, зажатая с двух сторон скалистыми берегами. Теперь можно, не жмурясь, смотреть, как переваливаются с боку на бок яхты и задирают носы катера. Вдали, закрывая выход в море, розовеют в уходящем солнце холмы Албании. Цикады смолкают мгновенно, как прихлопнутые. Фонари бросают на залив жидкие полоски света, вода дрожит в них, змеится. Сегодня воскресенье, и ко всем трем заведениям Калами — так называется наша деревня — тянутся катера."

© Зелинская Е. К., 2023

© Автор, 2023

Елена Зелинская

Дом с видом на Корфу

Глава I

Дарреллы и другие звери

Тень наползает медленно, тесня жар к горизонту. Сначала накрывает оливковую рощу, вертикальную, как театральная декорация, потом два ряда

домиков, каменистый пляж и полосатые зонтики. Темное покрывало стремительно натягивается на залив, круглый, как подкова, зажатая с двух сторон скалистыми берегами. Теперь можно, не жмурясь, смотреть, как переваливаются с боку на бок яхты и задирают носы катера. Вдали, закрывая выход в море, розовеют в уходящем солнце холмы Албании. Цикады смолкают мгновенно, как прихлопнутые.

фонари бросают на залив жидкие полосы света, вода дрожит в них, змеится. Сегодня воскресенье, и ко всем трем заведениям

Калами – так называется наша деревня – тянутся катера. на Корфу традиционно отдыхают англичане. Они и в отпуске выглядят, словно исследуют дебри Африки: сосредоточенные решительные лица, бриджи, высокие зашнурованные ботинки, шляпа с широкими полями надвинута на лоб:

– Dr. Livingstone, I presume?

На столиках в таверне зажигаются огоньки, и тень от спиртовки цветком ложится на скатерть. Терраса заполняется, и можно занять столик у воды, вынырнув из-под спасительной в полдневную жару крыши, которая увита мускулистыми ветвями акации.

– Акации больше ста лет, – говорит хозяйка, не поднимая головы от старомодного аппарата, и отбитые щеки трещат, как цикады, – она еще при Дарреллах была.

«Белый дом, который стоит на утесе, как игральная кость» – эта цитата большими буквами написана на стене таверны прямо над кассой.

Белый дом дважды ввели в мировую литературу брата Дарреллы.

«Моя семья и другие звери» Джеральда Даррелла – мальчика, который ловил стрекоз на острове Корфу, интеллигентные читатели моего детства знали по имени Джерри.

«Дом Просперо» Лоуренса Даррелла – роман об истории острова и об истории любви к нему – не переведен на русский язык, наверное, до сих пор.

Две книги – две жизни. В одно время, в одном месте сплетаются и расходятся миры мальчика и взрослого. Один – земной, натуральный, пахнущий нагретой травой и морской тиной, он населен птицами, водяными паучками и ящерицами; там из маминой кухни несутся запахи перца, базилика и чеснока, а в маленьких норках шевелятся прозрачные скорпионы.

Другой – царит рядом. В нем лондонский хлыщ и интеллектуал смотрит с ночного балкона на бесшумные звезды, небрежно обсуждает с друзьями этимологию слова «корфу» и на рассвете, склонившись за борт рыбацкой лодки, бьет острой палкой осьминога.

Белый дом, в котором семья Дарреллов поселилась накануне Второй мировой войны, теперь гостиница. В первом этаже – таверна; к ступенькам, которые спускаются прямо к воде, поминутно причаливают лодки. на камнях, исхоженных и прославленных обоими братьями, загорают туристы. на входе в дом, с той стороны, где дорога идет по краю утеса и виден лишь только один этаж, висит табличка в виде раскрытой книжки: справа – Лоуренс, склонившийся над рукописью, а слева – десятилетний Джерри.

Повесть «моя семья и другие звери», написанная младшим Дарреллом, была моей любимой детской книгой. Остров посередине Средиземного моря, где можно держать дома пеликанов, а лотосы плавают на поверхности соленого озера, казался мне таким же сказочным, как

Солнечный город с незнайкой и его друзьями, а мальчик Джерри со своим терьером искал приключений в одной компании с Томом Соьером и Геком финном. Не только я, даже мама считала историю ненастоящей и только качала головой над тем местом в книжке, где объяснялось, что миссис Даррелл, разведясь с мужем, выбрала для проживания семьи остров Корфу из-за его дешевизны.

Читаю старшего Даррелла – и словно заново, взрослая, возвращаюсь в знакомые с детства места. на остров, населенный букашками, про которых рассказал мне Джерри, входит интеллектуальная жизнь литератора, и его горизонты наполняются изяществом ассоциаций и изысканными, почти придуманными лунными ландшафтами. Люди тоже иногда появляются в «Доме Просперо», как называет Корфу в своем романе старший брат. Вот натуралист и естествоиспытатель Теодор Стефанидес. Я узнала его сразу: в моем детстве он учил Джерри ловить пауков на приманку и подарил любознательному мальчишке микроскоп.

В мире старшего брата Теодор лечит крестьян от малярии, читает медицинские фолианты при свете луны и слушает слепого гитариста в компании таких же, как он, космополитов в баре на площади Керкиры.

Оторванные от мирового литературного процесса, мы не только не читали многого, даже читанное ускользало, лишь только будя воображение. Потерянный довоенный мир, о котором вспоминает в Египте

Лоуренс Даррелл, бежавший с оккупированного немцами острова, для нас был и вовсе незнаком. В нашем довоенном мире звучали марши и выстрелы, идиллия деревенских усадеб, если и была, осталась еще за прежней, первой войной. Мимо нас незаметно проскользнули Коко Шанель, автомобили с медными клаксонами, негритянский джаз, Берти Вустер, океанские лайнеры и хрупкие надежды.

Как они тосковали по утраченному времени: вино из одуванчиков, маленький принц, птица пересмешник, гайтянки с цветами в волосах...

По оливковой роще бежит десятилетний Джерри с сачком и удочкой, тридцатилетний Лоуренс на камнях у Белого дома слушает, как разбивается о скалы безупречная голубизна Ионического моря и трещат быстрые, как сердцебиение, цикады. Я и правда не поверила своим глазам, когда прочитала, что можно снять квартиру в доме, который стоит на утесе, как игральная кость. Будто мне предложили провести лето в Зурбагане.

Муж, не споря, согласился. А что плохого?

Глава 2

Рекомендовано Гомером

Вечером погас свет. Точнее, не зажегся. Не зажглись фонари вдоль пляжа, не включились лам-почки на верандах, вывески на магазинчиках, не засветились желтыми пятнами окна вилл на высоком оливковом склоне.

– Обрыв в горах, – пояснила Дарья, хозяйка

Белого дома, – при таком ветре неудивительно.

– Сирокко? – вспомнила я единственное известное мне название южного ветра, Дарья пожала плечами и, склоняясь над каждым столиком, зажгла спиртовки.

В соседнем ресторане, собственности компании

«Томас Кук», которой, кстати, принадлежит половина немногочисленных деревенских гостиниц, загудел дизель. Как у маршака:

Есть за границей контора Кука,

И если вас одолеет скука

И вы захотите увидеть мир...

Темнота наступала быстро, слизывая краски. На албанском берегу завидной россыпью сверкали огоньки, изредка серую массу залива перечеркивал светлячок катера, и высоко, на трассе, укрытой оливами, проскакивали фары, появляясь и снова исчезая за деревьями. Я захлопнула бесполезную книгу, Толя закрыл по-гасший ноутбук, и мы вышли на улицу. Ветер, и правда жаркий, шумел и гнул деревья. Пальма, похожая стволем на огромный ананас, размахивала своими широкими и плоскими листьями, словно руками, словно танцевала, не сходя с места. Остро пахла акация.

– Ночью будет гроза, – сказал муж, и, не сговариваясь, мы повернули к магазину. Продавец, небритый седой грек, сидел на ступеньках, прислонясь к стене и широко раздвинув колени. Взяв фонарик, он тонким лучом прошелся по сумрачно блестящим винным рядам и сунул в карман бесформенных штанов три евро. Корфианские вина, густые и горькие, окутаны мифами. «феакс», который твердая Толина рука разливает по бокалам, когда мы сидим в темноте на балконе, упоминается в «Илиаде»; торжественный гекзаметр под названием на этикетке подтверждает истинность, а вкус – беспорность.

– Рекомендовано Гомером! – произносит Толя, уважительно разглядывая греческие буквы.

Странно, но при таком ветре нет сильных волн. Море, как гигантская грудная клетка, вздымается всем объемом и опускается снова: вдох – выдох, вдох —выдох.

Все сумрачно и замкнуто, как в раковине. Кажется, что небо куполом накрывает нашу низину, опираясь краями на Албанские холмы и полукруг береговой линии.

– Любопытно, что Лоуренс Даррелл, – поддерживая праздный разговор, заметила я, – не считает корфиотов религиозными и часто называет местных крестьян суеверными.

– Протестанты не доверяют чудесному. То, что они считают невежеством, скорее является избытком воображения, не подкрепленного материалом. – Толя встал и облокотился на перила балкона. Он так по-темнел от загара, что даже на расстоянии вытянутой руки я вижу только его силуэт. Впрочем, мне необязательно видеть его, чтобы знать, как он выглядит. Догадываюсь, что ему необязательно слышать меня, чтобы знать, что я скажу.

Что-то белое, шумное вдруг вылетело из-за угла дома и пронеслось мимо нас. Он даже отпрянул от неожиданности:

– Смотри, сова!

– А почему ты решил, что это сова?

– А кто еще это может быть? Размером – как кошка, а голова – круглая и ушастая. – небось еще Дарреллов помнит. – Я перегнулась через перила, пытаюсь разглядеть в темноте литературный персонаж. но птица уже слилась с тенью.

—А вдруг это килликанзарос?

– Кто?

– Дух дома, что-то среднее между маленьким сатиром и домовым. У него копытца и острые ушки, он портит молоко и мелко пакостит. Крестьяне верят, что под Рождество все килликанзаросы подземного мира собираются вместе и пилят гигантскую сосну, ствол которой держит земную твердь. Каждый год они почти достигают успеха, и только возглас «Христос воскрес!» спасает всех нас от падения, восстанавливает дерево и выталкивает всю эту ораву в реальный мир. Очень напоминает «ночь перед Рождеством».

– А как еще бесу подцепить крестьянина? – Толя снова расположился в плетеном кресле и на ощупь на-резал перочинным ножиком брынзу. – Он живет простой жизнью. У него железа, быть может, два с половиной килограмма на всю семью. Все свое, домотканое, еда – хлеб и оливки, вода – из источника. Почти как в монастыре. Вот только и остается – воображение.

– Настоящих крестьян, наверное, и здесь уже не осталось. – Я протянула руку и сунула в рот влажный кубик сыра. – С тех пор как англичане провели на острове водопровод, построили

дороги и научили местное население играть в крикет, старые боги умер-ли. «Амуры и Психеи все распроданы поодиночке», и не кому-нибудь, а представителям туристических агентств.

Золотые дорожки упали на водную гладь, за спиной зашумел вентилятор, и окна вспыхнули одновременно на всем склоне, словно свечки на ново-годней елке.

– Я окунусь перед сном?

– Я спущусь с тобой.

Впереди, взявшись за руки, бежали наши тени.

Длинные и молодые, почти как мы.

2

Отсутствие кошелька мы обнаружили на горе. на самой верхушке, которую венчала железная конструкция, похожая на Эйфелеву башню. на фоне стройного носителя связи монастырь выглядел приземистым и суровым, каждый из них, однако, по-своему тянулся к небесам.

Дорога-серпантин подняла нас на самую высокую точку Корфу. Признаться, я и так высоты боюсь, а уж когда наш микроавтобус начал наяривать повороты, проходя в десяти сантиметрах от обрыва, то закружилась бы голова и крепче моей. Однако вид искупал, еще как искупал, он просто купался в голубизне и зелени, плавными холмами, покатыми каменными волнами давно застывшей лавы стекая к прозрачной воде.

Чем выше мы поднимались, тем гуще смыкались деревья, ствол к стволу, крона к кроне, образуя густое и непроходимое пространство, пронзаемое копьями кипарисов. Оливы, венецианское наследство, коих на Корфу великое множество, старели на глазах. Их витые, словно изморенные стволы окружены были сетями – неводами для ловли плодов. Богаче становились и виллы. Похожие на собачек гипсовые львы охраняли портик, ступеньки и светлый проблеск бассейна в глубине сада. Каждую встречную машину приходилось пропускать, прижимаясь к изгороди, и ждать, пока та не покинет деревню и не освободит дорогу.

Опустив на колени большие руки, у порога, как в сказке, сидели старик со старухой, и тень виноградных лоз, со светящимися изнутри кистями, пестрела на их просторных одеждах. Дорога уводила вверх и становилась круче.

Гора Пантократор плыла над островом, обнажая перед нами все его географические изгибы. Вот тут-то Толя и обнаружил, что забыл кошелек. Мы обхлопали, виновато поглядывая друг на друга, все карманы и обшарили сумки. Толя, включив фонарик, – уж лучше бы он забыл фонарик! – заглянул под сиденья микроавтобуса. Единственной находкой (в заднем кармане коротких холщовых штанов) оказалась моя записка в размере десяти евро. Десятка, честно выложенная на соломенный стол маленького кафе, дрогнула под легким ветерком. Я быстро прихлопнула ее ладонью. Как обычно в таких случаях, всем сразу захотелось пить. мы попросили стаканчик холодного кофе и распили его на троих. А впереди нас ждал целый день путешествия!

– Ребенок останется голодным! – с леденящим родительское сердце ужасом произнесла я. Муж помрачнел и тревожно взглянул на ребенка, словно тот уже изнывал от голода.

– Да я вовсе не хочу есть, – возмутился ребенок.

– Это пока, – многозначительно поправила я.

Толя помрачнел еще больше.

Собственно, называть ребенком этого симпатичного молодого человека с усами и короткой бородкой можем только мы с мужем. Он присоединился к нам на несколько дней, оторвавшись от своих взрослых дел, и любезно изображает из себя – нам в утешение – мальчика лет десяти. Снисходительно лежит на пляже, читает что-то умное в разогретом на солнце планшете; сорвавшись вдруг, бежит в воду, и только темный затылок виден нам далеко у линии буйков. А мы ждем на берегу. ничего, мы умеем его ждать. Легко подхватывая любую идею, он ползает с папой по голубым пещерам, пьет, присев со мной на траву под миртовым деревом,

«пимс» – мой культовый коктейль с огурцом и мятой – и терпит наши глупые шуточки, типа: «не купить ли мальчику сачок?»

Сейчас он тоже чувствует себя смущенным – так вошел в роль, что не догадался взять с собой сумку.

– Давайте я быстро съезжу в Белый дом за деньгами, – предлагает он.

– Один?!

– Вы что, вправду забыли, сколько мне лет?

– Зайдем сотню у Яниса, нашего водителя! – примирительно предлагаю я. – Вечером, когда он нас привезет в гостиницу, отдадим!

Янис, услышав нашу необычную просьбу, только покачал зальсинами: у него больше двадцатки за раз и не бывает. Однако в стороне не остался и выступил с предложением занять деньги у друга, который как раз и живет в той деревне, где у нас по плану намечен обед. Водитель с энтузиазмом кинулся названивать по телефону, а мы трое, вздохнув, отправились осматривать монастырь, раз уж приехали.

Скажу сразу, сотня евро в Греции на дороге не валяется. Отец семейства, чем-то напомнив нам Кису Воробьянинова в третьей позиции, патетически заявил, что он никогда не оставит нас без средств к существованию. Мы спорить не стали. Высадив основной состав в намеченной деревушке, он развернул микроавтобус, точнее, микроавтобус развернул Янис, и они поехали обратно в Калами. Если кошелек не забыт, а потерян вместе со всей наличностью и карточка-ми, – напомнил Толя, – у него в чемодане найдется припрятанная заначка.

Мы вдвоем остались гулять и осматривать деревню Перия. Перия-периферия. Вот, произнесла это слово, и теперь оно ко мне привяжется. Буду до конца дней вспоминать деревушку под этим названием, сочиню рассказ, как мы оказались на периферии истории, и буду назидательно искать корни привычного русского слова в глухой греческой глубинке. Кончится тем, что поверю сама.

Знак на въезде оповещал, что Перия охраняется ЮНЕСКО.

Две-три неровные улицы, полуразрушенные церкви с плоскими колокольнями, десяток каменных домов, крытых черепицей, пара таверн, увитых разноцветным виноградом, тропинки. Сухо, тихо. Потрескавшиеся ступеньки, ведущие никуда. Пока я отдыхаю, привалившись спиной к теплой каменной ограде и вытянув вперед ноги, мой милый спутник уже дважды обежал деревушку, сад и громоздящиеся чуть поодаль, за деревьями, развалины. наконец и сам устал и присел рядом со мною, и развлекает меня беседою, как большой. Перед нами в ярком солнечном свете лежит Эллада. Она пахнет полынью и медом.

– Греция архетипична. Здесь дом – это архетип дома. Четыре стены, очаг, окна со ставнями и черепички, хранящие форму колена. Если Рим – это модель порядка, то Греция – это модель жизни. миф – модель человеческих отношений. Вон, возьми медею. Детей погубила, лишь бы насолить мужу.

– Первозданна.

– Перво-создана. У Платона есть что-то вроде того, что здесь можно видеть Бога с его компасом и циркулем. Будто Он махнул рукой и сказал: пусть будет дом. А остальное вы как-нибудь сами. И стал дом.

Я поднимаюсь, опираясь на его руку, и мы бредем дальше по тропе вдоль серого камня домов.

– Должно быть, богатое было местечко: восемь церквей.

– По церкви на семью.

– На первый взгляд все выглядит так, будто ничего со времен Одиссея не двинулось с места. А приглядишься: на холме – укрепленные камнями террасы, ухоженные аллеи, одинаково подстриженные купы. Тысячи лет этот пейзаж одомашнивали. А он все равно как только

из-под руки вышел. Арка над входом в церковный дворик скошена набок. Проход в заброшенный дом зарос кустарником.

Видно, что сад проник во влажное пространство, занял его целиком и буйствует впотьмах. За живой изгородью в три ряда стоят голубые ульи, похожие на тумбочки. на каждом сверху лежит белый камень, и настырно жужжат пчелы. Пожилая гречанка с мокрой тряпкой на голове, слабо шевельнувшись на плетеном стуле, кивает на банку с медом. мы вежливо крутим головами: знала бы она, как низка наша покупательная способность.

– Грецию надо оставить в покое. Вернуть им драхму и ничего не навязывать. И пусть ЮНЕСКО охраняет не колокольни, не развалины и колонны, а образ жизни, – выношу я решительно свой вердикт и получаю полную поддержку от подрастающего поколения.

У поворота на парковку мелькает знакомая голубая майка. мы машем руками, как матросы, завидевшие берег, и тычем пальцами в сторону крытой террасы над обрывом.

– Ну, что, – кричу я издалека, – забыл или потерял?

– Забыл! – И Толя гордо потрясает в воздухе черной кожаной сумочкой.

Кубики льда бренчат в кувшине, а струйка золотого масла течет по ломтю губчатого сыра. Какое удовольствие выговаривать греческие слова: мусака, стифадо, мидии саганаки!

На шестом названии хозяин таверны, который сочувственно кивает смоляной головой в такт нашим лингвистическим усилиям, перестает пижонить и вынимает из кармана блокнотик. на восьмом – с интересом оглядывается на вход, подозревая, видимо, что к нам сейчас присоединятся еще трое-четверо едоков. Нет, уважаемый, больше никого не будет, это мы кормим ребенка!

– Мы кончим тем, что будем купать тебя в ванночке! – повторяет папа избитую шутку.

– А я буду махать руками и кричать: «Щипет, щипет!», – покорно улыбается ребенок и разливаает по бокалам рецину. Рецина пахнет сосновыми иголками.

3

Монастырь Агия Триада далек от туристических маршрутов. Наш микроавтобус, свернув с трассы, срезал круги по гравиевой дороге, которая к вершине горы сузилась почти до тропинки, протоптанной, как видно, ослами. Припарковались на крохотном пятачке, и я даже заволновалась, что водителю негде будет развернуться.

Янис подошел к ограде, окаймляющей палисадник с подстриженными кустиками, и крикнул что-то, сильно подавшись вперед. Окно одноэтажного домика распахнулось. Оттуда высунулся смуглый кудрявый монах в квадратных очках. мы скромно встали у арочного входа в монастырь. Лопухий щенок с носом в виде маслины достойно развлекал нас, пока шло совещание. Наконец, весело улыбаясь, из дверей домика появился игумен. Курчавая ассирийская борода, черные с серебром волосы плетеными косичками уложены на затылке, худощавое вытянутое лицо с лохматыми бровями, – отец Афанасий, казалось, сам был списан с древней иконы. Монастырь лежал на вершине горы, как корона.

Игумен охотно провел нашему семейству небольшую экскурсию. Темные, неясные лики на знаменитых фресках с источенными краями глядели так живо, что казалось, это не мы, а они рассматривают нас.

На полированном дереве высоких стульев, вжатых в стены, играли блики лампы, а прохладное пространство пахло старой штукатуркой и тайной. мы вышли на свет. Отец Афанасий исчез и вернулся через минуту, неся поднос с четырьмя запотевшими стаканами и блюдецком с печеньем.

– Вода, – пояснил он, – из монастырского источника, а печенье, по случаю пятницы, приготовлено без масла.

Мы хрустели угощением и пили сладкую воду, а отец Афанасий вел неторопливый разговор про землетрясение, которое сто пятьдесят лет назад повредило фреску со Святой Троицей, и про то, как трудно следовать путем Господним. По крайней мере ему, смущенно добавил он.

– А как кризис? – дежурно спросил Толя.

– Кризис в душе, – ответил монах.

Посоветовавшись, мы робко попросили отца Афанасия принять скромное пожертвование. Он замахал руками: я вас как гостей принимаю, вы мне ничего не должны!

– Ваши фрески принадлежат и нам, – уместно вставил младший член семьи.

– Ну ладно, – согласился отец Афанасий, – опустите в ящик.

Мужчины задержались у колодца, расспрашивая игумена, как на такую высоту поступает вода, и тот с видимым удовольствием показал им устройство древнего механизма. Наконец мы двинулись к автобусу. Отец Афанасий снова исчез и появился с иконой Святой Троицы в руках и пасхальным куличом, который был завернут в серебряную фольгу и перевязан белой лентой с надписью: «Изготовлено в деревне нимф».

– Возьмите с благословением!

Мы поклонились. Рыжий щенок из вежливости пробежался за автобусом до поворота.

4

Скала Святого Ангела разрешила пространство ровно по диагонали. От верхнего угла вниз, сливаясь в единое целое, треугольником стояло голубое полотно неба и моря, а снизу вверх поднималась серая громадина камня, с короной крепостной стены на макушке.

– Ты полезешь наверх, к замку? – спросил муж для проформы.

– Ни в коем случае! – Я в ужасе замотала головой. – Я подожду вас здесь, внизу.

Высоты я боюсь до паники. Колени немеют, к горлу подкатывает тошнота, и какая-то неведомая сила тянет меня вниз. Короче, фобия. У меня вообще их много. Например, клаустрофобия. Ее я обнаружила у себя, когда спускалась по гигантским ступенькам в римские катакомбы. Я почувствовала, что не могу дышать, развернулась и кинулась обратно, в то время как вся наша компания оживленно потопала дальше, даже не заметив моего отсутствия. А вот другую фобию, название которой я так и не могу запомнить, знаю за собой с детства. Боюсь пауков. До жути. Вот сейчас, например, я, для полного погружения в корфианскую действительность, смотрю вечерами британский сериал по книге «моя семья и другие звери».

Каждый раз, когда Джерри Даррелл, лежа на животе, ворошит нору какой-нибудь ползучей пакости, я закрываю глаза и отворачиваюсь, причем в этом-то фильме отворачиваться мне приходится чаще, чем в триллере про оживших мертвецов. ну да Бог с ними, с фобиями. Внизу – это тоже довольно условное понятие.

Таверна, укрытая парусиной, стояла прямо на краю обрыва, приблизительно на высоте пятиэтажного дома. Подо мной над прибором летали ласточки, разворачиваясь почти под прямым углом.

Я попросила парнишку в белом фартуке принести мне кофе по-гречески, с неизменным стаканом холодной воды, и, закинув голову, наблюдала, как две фигуры в одинаковых майках и кепках, до смешного похожие друг на друга каждым движением, мелькали между деревьями. Схожи они, конечно, необычайно, если бы не седеющие виски у старшего, и некоторая скованность движений, и жесткие складки у рта, которые я, быть может, и не замечала бы, не находясь рядом его молодая копия с такими же, но мягкими чертами и безукоризненно черной тенью модной небритости на подбородке.

И вот я сидела, потягивала кофе из крохотной чашечки и глядела, как мои исследователи, поднимаясь по тропинке все выше и выше, добрались наконец до крепости. Твердыня Святого Ангела воздвигнута была чуть ли не в темные века властителем из византийской династии Камниных. нравы были просты, и вещи называли своими именами: построил Михаил второй деспот Эпирский. Крепостной двор обнесен могучей стеной, к которой снаружи прижато строение, видимо подразумевающее дополнительное препятствие для осаждающих.

Осмотревшись по краям утеса, они долго топчутся у ворот. Понимаю: закрыто. И вдруг – я даже в первую минуту рот раскрыла от изумления – маленькая фигурка в белом, быстро, как ящерка, перебирая загорелыми руками, поползла вверх, по вертикальной стене.

Я в ужасе выхватила телефон:

– Толя, ты что! Куда ты смотришь! Как ты мог ему разрешить!

Снизу вижу, как он развел руками: сама попробуй ему что-нибудь не разрешить!

– Да ты не бойся! – сделал он тщетную попытку меня успокоить. – Это, наверное, снизу кажется, что здесь отвесно. на самом деле вокруг стены большая площадка.

Пока мы премираемся, белая фигурка доползла до крыши и нацелила камеру. Если присмотреться, то можно различить меня на снимке под парусиновым тентом между небом и землей.

Глава 3

Корабли Одиссея

1

Три места на Корфу борются за звание последней стоянки Одиссея перед возвращением домой.

Сам факт, что прекрасный город феаков, гавань и берег, где царевна навсикая полоскала белье, находился именно на Корфу, сомнений ни у кого не вызывает.

Слепой певец, чья точность в показаниях подтверждена раскопками, указал и расстояние до Итаки, и число гребцов, необходимое, чтобы довести корабль от царства Алкиноя до берегов отчизны дальней, и описание скалистой линии, которая приняла измученного скитаниями героя. Современные ученые говорят, что у древних греков не было представления о расстоянии и времени, так что доверять словам «восемнадцать дней» – наивно. Быть может, но в людях Гомер разобрался, что важнее. Характер корфиотов, представленный в «Одиссее» во всем великолепии гекзаметра, словно наперед предсказал судьбу острова, приграничного камня Европы.

Встреча Одиссея с царевной навсикаей и отцом поражает миролюбием, несвойственным для всего гомеровского повествования, и отсутствием злодейства, объяснимого только языческим буйством. Ни циклопов, ни алчных красавиц, ни разбойников. Милая девушка, которая даже при отце стесняется намекнуть о замужестве, царевна, встречает на берегу голого, перепачканного тиной (его только что выкинуло на берег после крушения) Одиссея. Красавец, искатель приключений, практически бог, – чем не жених? но нет. Девушка отказывается от своих эгоистических намерений и прилагает все усилия, чтобы вернуть Одиссея на историческую родину. Ее отец, царь Алкиной, собирает народное вече, и на общем собрании (!) феаки решают отвезти героя на Итаку, что и делают, наделив его при этом богатыми дарами.

Они точно знают, что навлекают на себя гнев вышестоящей инстанции, а именно Посейдона, весьма недвусмысленно запретившего им помогать страннику.

Но милосердие сильнее страха наказания. Античным богам сантименты чужды: как только феакийские моряки возвращаются из несанкционированной поездки на Итаку, Посейдон превращает их корабль в скалу. Эту скалу демонстрируют туристам в деревне Кассиопи, в бухте Палеокастрица и на въезде на мыс Канони.

2

Деревня Кассиопи находится буквально в получасе езды от Калами. Из нашего захолюстья туда ездят за разнообразием магазинов, ресторанов и ночной жизни. Мы с Толей потащились туда за кефиром.

Кефир – это, попадая языком в ткань повествования, ахиллесова пята нашего семейства. Мы его употребляем с пристрастием, достойным героев «Улитки на склоне». Продащица из ближайшего к нашей подмосковной даче ларька, которая по настоятельной договоренности еженедельно оставляет для нас девять литровых бутылок, однажды не утерпела и робко поин-

тересовалась: «А что вы с ним делаете?» – и замахала руками, как на заведомых лжецов, когда мы начали загибать пальцы: ну, литр выпивают собаки. . .

Оказалось, что на Корфу нехитрый кисломолочный продукт является дефицитом. Надеюсь, не надо объяснять, что мы точно знаем, как почти на всех европейских языках называется кефир: так и называется – кефир. Включая греческий, проверено на Пелопоннесе. В нашей деревушке нас не понимали ни в одном из трех магазинов. Тут нам еще понадобилось в аптеку. Хозяин Белого дома, предупрежденный заранее, нацелившись по своим делам в Кассиопи, захватил нас с собой. на разграбление города он дал нам двадцать минут. Четверть часа я потратила, изучая образцы греческой косметики. В оставшиеся пять минут мы выхватили из запотевшего стеклянного шкафа три бутылки, которые по виду отличались от тех, что наличествовали в каламских лавках, и побежали на улицу, где уже сидел на металлической перекладине наш рулевой, обмахиваясь кепкой.

Искомый напиток оказался только в одной из захваченных бутылок, которая почему-то была окрашена в черный цвет. Тщательно вымыв мгновенно освободившуюся посуду, я обошла всех каламских продавцов. Тетенька из крайней лавки повертела в руках бутылку, глядя с такой оторопью, словно ее принесло волной. Девушка из магазинчика, гордо именуемого «Супермаркет», покачала головой: англичане этого не пьют. Немолодой грек из ближайшей к Белому дому торговой точки задумчиво похлопал ладонью о прилавок: такой точно у меня нет, но для вас. . . Он вышел из-за кассы, ловко обходя ящики с арбузами, пробрался к холодильнику, долго рылся, перебирал и, наконец, торжественно извлек из самых закровов поллитровую емкость. Мы вышли на улицу и вскрыли ее. Там оказалось молоко. Больше мы в Кассиопи не были.

3

Утес, очертаниями откровенно напоминающий корабль, стоит прямо на входе в бухту Палеокастрица. Можно представить себе, как оцепенели от ужаса родственники, народное вече и сам царь Алкиной с прекрасной Навсикаей, когда корабль с пятьюдесятью добровольцами обратился в камень, не дойдя до гавани пару миль.

В подножиях скал, окружающих бухту, зияют гроты, как раскрытые рты. В одном из них, на стенке, розовой каймой мха отделенной от светящейся голубизны, есть удивительная картина: сталактиты, стекая вниз, к воде, застыли в форме изумленного девичьего лица.

– Это икона Навсикаи, – объяснил нам лодочник, путая английские слова, развернул лодку к выходу из пещеры: а ведь когда смотришь на нее с моря, даже трудно представить, что можно вплыть туда целиком.

И заглушил мотор. До этого момента кажется, что не может существовать ничего величественнее, чем сверкание солнечного света, отраженного в прозрачных водах залива. Но нет! Лазурная струя била со дна пещеры и растекалась пятном, которое, словно флюоресцируя, покачивалось на волне. Наш лодочник вынул из мешка куски булки, с размаху швырнул в лазоревый круг – и тот вдруг зашевелился, забился, как в панике, – это сотни рыбок, таких прозрачных, что хребтинки просвечивали сквозь их маленькие спинки, кинулись за добычей. Они метались, выпрыгивая из воды и взбивая фонтанчики. Волна билась о камни, которые низко нависали над поверхностью воды, и струйками стекала вниз, и они, эти струйки, оставались при этом голубого цвета! Лодка вынырнула на свет. Плавсредств самого разного размера и толка, от катамаранов и катеров до прогулочных яхт и лайнеров, медленно, как во сне, пересекающих пространство, было столько, что, попробуй Посейдон превратить их всех в камень, образовалась бы новая гряда. Про следующий грот Лоуренс Даррелл рассказывал в своем романе. Особенно неприятно было читать про стены, покрытые бурым шевелящимся слоем летучих мышей. Когда наша лодка втиснулась в этот грот, там ползали аквалангисты. У входа в самую большую пещеру покачивалась деревянная платформа, на которой стояло несколько столиков. Полуголые посетители пили коктейли. При-тороченные к краю платформы катамараны неук-

люже тыкались друг в дружку носами, как псы, оставленные на привязи у дверей кафе. На песчаном пляже, куда нас высадили после экспедиции по пещерам, народу было как в Сочи. Сбросив одежду, мы сложили ее кучкой у деревянного настила и кинулись в воду. Вода оказалась холоднее, чем в Ка лами.

По горной дороге покотился наш автобус вверх, в старинную деревеньку Лаконес, кружа меж скал и серебристых олив. Так высоко забирались корфиоты, чтобы кручи и камни служили им естественной защитой от пиратов. Не знаю как пираты, а для туристического бизнеса преград не существует. на самой высокой точке деревни, практически нависая над заливом, просторная терраса открывала райский вид.

В божественной гармонии лежали перед нами обе бухты, разделенные серыми скалами, волны зеленых холмов, утес у самого края земли и монастырь на его вершине, утопающий в цветущем саду. Белые игрушечные кораблики скользили по недвижной, уходящей вдаль глади, крохотные и одинокие. Узенькая светлая полоска пляжа гребешком впивалась в кромку густой рощи. Крыши прибрежных гостиниц, коробочки вилл, амфитеатр – все поглощало плотное, как шерсть, зеленое пространство. Людей и вовсе не было видно. И лишь корабль Одиссея, могучий и величественный, плыл в сияющем свете.

4

У меня едва не случился приступ синдрома Стендаля. Говорят, что чаще всего он нападает на людей во флоренции, когда изобилие красот пробирает до самых нервных окончаний и переливается через край возможностей человеческого восприятия.

В таком состоянии больной может совершить непредсказуемые поступки: возненавидеть, например, картину и кинуться с кулаками на ее персонажей. Флорентийских экскурсоводов даже учат на специальных курсах, как в таких случаях оказать человеку первую музейную помощь.

На мысе Канони есть все. Здесь одновременно присутствуют Эллада, Византия, Венеция, имперская Британия и современная Европа.

Пальмы, пинии, туя с серебряными шишечками, мирт – это только то, что я знаю по названиям, а еще – покрытые красными, белыми, малиновыми, голубыми цветами невысокие деревья с круглыми кронами, которые в другой стране остались бы в лучшем случае кустиками; кактусы с лепешками, утыканными поверху круглыми пальчиками, как ступни циклопов; розовые персики, зеленые апельсины, лимоны, мелкие, как градины; алая герань в горшках на балконах и вездесущий виноград.

Даже революционный французский гарнизон, который задержался здесь всего лишь на несколько месяцев, успел оставить легкий, изящный рисунок лесенок и балюстрад, взбитых сливок в высоких стаканах и ступеней, сбегающих с террасы по отвесному обрыву к набережной. И пушку, давшую название мысу, – Канони.

Зачем понадобилось приплетать сюда еще и историю с Одиссеем и выдавать мышинный остров с миниатюрным византийским монастырем за очередной окаменевший корабль? Разве нарочно, чтобы подчеркнуть, что именно здесь, у выхода в Ионическое море, стояла когда-то античная гавань. Залив, сама его поверхность, которая простирается во всей своей голубизне от обзорной площадки до лиловой линии горизонта, полны чудес. Узкий мост, ведущий на небольшой, заставленный гостиницами остров, отделяет от моря соленое озеро Халкиопулу.

Когда-то здесь неутомный Джерри Даррелл наблюдал за перелетными птицами и кормил пеликанов.

Теперь здесь аэропорт. Хитроумные наследники Одиссея сумели превратить такое обыденное дело, как взлет самолетов, в увлекательный аттракцион. Взлетная полоса, единственная, надо заметить, на всем острове, проложена по узкой насыпной косе, которая пересекает озеро. муж с сыном застряли на террасе, наблюдая, как самолет, появившись из-за острова,

медленно снижается, сначала оказываясь на уровне глаз, опускается ниже, летит прямо над заливом и приземляется, как кажется глядя сверху, прямо на воду.

Когда мне удалось наконец оторвать их от этого захватывающего зрелища, мы спустились по растрескавшимся каменным ступенькам вниз, к причалу.

В монастырь Панагия тон Влахернон ведут две дорожки: одна узенькая, бетонная, и вторая, сложенная, наверное, еще строителями храма, из камней, как коса. Так и представляешь себе, как, подобрав подол рясы, сребробородый монах перебирается по ней – с камушка на камушек.

Пространство внутри храма оказалось таким маленьким, что в него одновременно может зайти только два-три человека. Чудотворная икона Божьей матери, украшенная серебряными табличками с изображением ног, рук, глаз и целых человеческих фигурок, – дань благодарности за помощь, которую получил по молитвам конкретный отчеканенный орган, – расположена была в глубокой нише, и довольно высоко.

– Мне не дотянуться! Попробуй ты первый, — попросила я мужа.

– Вот, посмотри, специально для таких, как ты. – И Толя показал на маленькую икону, которая, утопая в цветах, располагалась как раз на доступной для меня высоте.

– Вот так всегда и во всем, – проворчала я, – ты дотягиваешься, а я – нет. Младенец, увенчанный серебряной короной, смотрел на меня укоризненно. Мы взяли по свечке и поставили в открытый стеклянный ящик, похожий на аквариум. Дно было выложено мелкой галькой и покрыто водой. В ней отражались дрожащие огоньки свечей.

Выйдя, мы наняли лодку, раскрашенную в яркие красно-сине-белые цвета, но такую маленькую и шаткую, что в нее было боязно ступить.

«Как удобно путешествовать в сопровождении двух мужчин», – подумала я, когда одна пара крепких рук приподняла меня и передала другой, такой же надежной. Через пять минут мы ступили на берег мышинового острова, где в гуще деревьев скрывался монастырь святого Пантелеймона. Во дворике у старого колодца девочка играла с собакой. Ох, как давно я не держала в руках мягкую лапку с коготочками!

– Как зовут твоего щенка?

– Бу-Бу.

Черепичная крыша, такая низенькая, что ее можно потрогать рукой, темные иконы с незнакомыми лицами, деревянный стол с россыпью сувениров: кожаными кошелечками, браслетами с блестящими бусинами, керамическими масляными лампами и картинками с белыми домиками и синим морем.

К каменной пристани причалил катер. Грек с короткой шкиперской бородкой и в белой фуражке с козырьком помахал нам бронзовой рукой:

– Это вы в Корфу-таун собрались? Мы прибудем в столицу по всем правилам – с моря.

Глава 4

навстречу утренней Авроре

1

Ребенок уезжал. Прощальный обед накрыли на террасе, на столе, застланном влажной белой скатертью.

– муж сейчас вернется из Кассиопи, – сказала хозяйка Белого дома, – и он может отвезти вас в аэропорт.

Бледная Дарья – единственное незагорелое существо из всего деловитого греко-украинского семейства, владеющего ныне Белым домом. Пару раз, проснувшись до восхода и отворив дверь балкона, чтобы впустить утреннюю прохладу, я видела, как Даша спускается по ступенькам к маленькому деревянному причалу. Скинув халатик, она быстро плывет до буйка и обратно, выжимает длинные светлые волосы, сворачивает их жгутом на затылке и, застегивая

на ходу пуговицы, скрывается на кухне, чтобы тут же появиться снова, неся в руках миску с крупно нарезанными кусками арбуза. Мужчины, бронзовые, как Одиссей, с одинаковыми короткими бородками и веселыми карими глазами – муж, отец и брат, – стригут цветущие кусты, поливают дорожки, привозят на катере рыбу, газовые баллоны, тяжелые гладкие дыни и перекрикиваются друг с другом на бодрой мешанине суржика и благородного наследия Гомера.

Легким привычным движением Даша поставила перед нами блюдо с красным распаренным лоб-стером. Усы и лапки боевито торчали из зарослей гарнира.

– Рассказывала ли я вам, как первый раз ела омара? – Я рассеянно ковыряла вилкой тугой панцирь. – В нью-Йорке, в японском ресторане меня подвели к аквариуму, где шевелились зеленые животные, и предложили выбрать любого на свой вкус. А я испугалась, что мне придется употреблять их, как и суши, которые я тоже видела впервые, сырыми!

– Эту историю ты вспоминаешь каждый раз, когда видишь лобстера, – неосторожно сказал Толя.

– Я не слышал ни разу, – быстро соврал ребенок. но было поздно.

– А хочешь, я расскажу историю, как вам в обще-житие привезли бочонок черной икры и вы вчетвером месяц только ею и питались? Я эту историю слушаю каждый раз, когда подают еду! – Я скомкала салфетку и швырнула ее на стол.

– Я думаю, – Толя повернулся к Даше, которая деликатно молчала, складывая на поднос стопку освободившейся посуды, – минут через пятнадцать надо выезжать.

– Почему так рано? – возмутилась я. – Зачем нам два часа болтаться по аэропорту?

– нам? – встrepенулся отъезжающий. – Только не вздумайте меня провожать. Я прекрасно доберусь сам. ну пожалуйста, не надо.

– Все равно незачем торопиться, – насупилась я. – Еще полно времени!

– Ты же знаешь, какие могут быть пробки! Зачем рисковать? – стоял на своем муж.

– Схожу-ка я за рюкзаком. – мальчик не любил, когда мы ссорились. Он встал из-за стола и скорым шагом двинулся к ступенькам, которые вели в его номер.

– Дай ему спокойно уехать, – сказал муж, глядя в спину уходящему сыну. – Отпусти его, наконец.

Через минуту черноокий красавец появился в дверях с рюкзаком на плече и тревожно оглядел наши лица.

– Смирись, – сказал муж и накрыл ладонью мои пальцы, – он вырос.

– А я постарела, да?

В нашей семье сантиментов не дождешься. – мы же не станем тебя за это меньше любить, – беспощадно сказал муж.

– Ты собирался научить его водить катер, – мстительно проворчала я, – а сам даже в море ни разу не вышел!

– Я много чего не успел, – ответил он и отвернулся.

– Готов еще раз побыть маленьким, – предупредительно вставил ребенок. – Подарите мне на день рождения раскраску!

Я встала на цыпочки, схватив за уши, притянула к себе непокорную голову и чмокнула тонкую белую полоску между черными жесткими волосами и загорелым лбом.

– На самом деле, – правильно угадав момент, вставила Даша, опытный ресторатор, – у вас еще есть время на десерт.

– Даша, – попросила я, – сделайте что-нибудь особенное! Ваша мама печет такие замечательные греческие сладости!

Хозяйка Белого дома задумалась на секунду и, будто решившись, махнула рукой:

– Вчера вечером для себя пекли. Вроде пара кусков оставалась. Сейчас принесу: настоящий «Кевский»торт!

2

Въезд к Киркеру перекрывали автобусы и полиция. Обогнув скопление машин у порта, наше такси вынырнуло у поворота на старый город и остановилось. Полицейский наклонился к открытому окошку и, подкрепляя слова жестом, махнул палочкой в сторону объездной дороги. Кивнув несколько раз для убедительности, таксист продолжил ехать, не сворачивая. На дороге, которую положено было объезжать, скопилось столько машин, что двигаться дальше было совершенно невозможно. Мы вылезли, хлопнув дверцей.

– А ты найдешь дорогу к площади? – недоверчиво спросила я мужа.

– Конечно!

Телефон пискнул:

– Крестный ход уже на площади, – гласило короткое послание на экране.

Отец максим, знакомый по Москве священник, который отдыхал с дочерью в соседней деревушке, пригласил нас пойти одной компанией на праздник святого Спиридона и, конечно же, приехал раньше нас.

Ускорив шаг, мы нырнули в тень узких улиц. Средневековое сплетение переулков и тупичков, крохотные, как шахматные доски, площади, – наверное, если без спешки, то мы разобрались бы в них и нашли дорогу, но сейчас каменные ступеньки на поворотах снова и снова выводили нас на одну и ту же улицу, пересеченную бельевыми веревками. К слову сказать, горожане так художественно развешивают для сушки белье, что трусы, простыни и сарафаны выглядят как неотъемлемое продолжение архитектурного ландшафта.

– Мы опоздаем! нам будет не угнаться за ходом!

– Мы пропустим самое главное! – тереблю я мужа.

Еще поворот. Старинный венецианский колодец, резные цветы чередуются с львиными мордами, лепестки розовым сугробом прибились к камню. Из трещины выскочила ящерка и исчезла, вильнув хвостом.

– Святой Спиридон, – прыгая по ступенькам, бормочу я, – помоги! Так хочется успеть на твой праздник!

И тогда зазвучал колокол.

– Ты слышишь, – Толя радостно замахал руками, как мельница, – это на колокольне Святого Спиридона звонят! Бежим на звук! Ты слышишь?

Еще бы не слышала! Площадь Святого Спиридона полна народа. Греков легко отличить от нас, чужих на их празднике. Нарядные, приличные женщины с темными, убранными наверх волосами и яркими лицами; мужчины в рубашках с длинными рукавами и оливковыми шеями в расстегнутых воротничках; черноглазые, верткие, как плотва, дети. Крестный ход стоит у начала улицы, ведущей к площади. Видно, как на углу, у поворота с набережной, сверкают золотом облачения и колышется поднятый высоко и вертикально саркофаг. Из открытых окон, как красные языки, висят ковровые дорожки. Про обычай украшать улицы изнутри домов в честь приезда короля я читала в средневековых романах. Голосов нам не слышно. Вместе со всей толпой мы следим за ходом событий, вытягивая шеи и камеры в сторону замерших фигур.

В первом ряду сверкает медью оркестр городской пожарной команды. невидимый знак, и качнулись красные плюмажи на касках, и ударили барабанные палочки, и двинулись вперед белоснежные фигуры с огненными пятнами погончиков!

Лучше нашей позиции не найти: мы стоим ровно на углу площади, и мимо нас, как мимо трибуны, один за другим, сверкая, проходят оркестры, гремят барабаны, гудят трубы, всеми красками горят перья на круглых касках. наконец, в одеждах, которые вызывают у меня в памяти слово «рубщице», перепоясанные веревками, появляются хоругвеносцы. За ними, в голубых, как небо, облачениях, медленно двигаются священники с зелеными веточками в руках. Чернобородый митрополит с детской улыбкой кивает нам, словно мы все его старые знакомые. носилки с золотым саркофагом качаются, как лодка на волнах. Вот они проплывают

мимо нас. Солнце бьет в глаза, и только темный силуэт святого Спиридона виднеется сквозь стекло.

– Я здесь, я здесь! – кричу я, как Ассоль, и ныряю в круговорот и смешиваюсь с теми, кто идет за охраной, состоящей из двух статных моряков. Полицейский отодвигает меня локтем, но ему некогда, он сдерживает нажим толпы.

– Куда ты? – зовет муж, но я уже втиснулась в ряд, идущий прямо за мощами. Крестный ход поворачивает на площадь перед храмом. К крыльцу церкви Святого Спиридона ведет короткая улочка, и мы замедляем шаг почти до полной остановки. мне видно, как впереди, в открытые двери храма, опустив трубы, заходят друг за другом музыканты. Я оборачиваюсь. Навстречу мне, заполняя все пространство площади, движется людской поток. Священники, горожане, туристы. Они не торопятся, подстраиваясь под общий неспешный ход, они пристально, не упуская ни на секунду из виду, смотрят на высокий узорный саркофаг, они веселы и сосредоточены. Белые облака щадящим покровом скользят над непокрытыми головами. Я вглядываюсь в толпу, ища родное лицо. И нахожу, и вижу, и не одно: навстречу мне, по улице, ведущей к храму, идут люди, которых я знаю и люблю. Вот, в светлой рубашке, чуть жмурясь на солнце, идет Саша Архангельский, чуть дальше, с седеющей бородкой, – это Коля Сванидзе. Держа за руку маленького мальчика, прошел мой брат. С оливковой веточкой в руках идет среди других священников отец Алексей Уманский. Шелковый платок легкой волной закрывает лоб – марина, родной человек. Монашенка в высоком клобуке обернулась, засмеялась – матушка игуменья! Мой взгляд заметался: мои студентки в белых матросках, друзья, родные... У меня солнечный удар?!

Крепкие пальцы обхватили мое запястье.

– Нам надо выбираться. В сам храм не попасть, это точно.

Отец максим с дочерью Лизой ждут нас у Листона. Листон – это та часть Киркеры, которую успели построить французы. Аркады с низко висящими фонарями и плетеными столиками выглядят как продолжение парижской улицы.

– Угадайте, что мы купили!

– Ну, судя по пакету, это какой-то напиток. —

Отец максим с сомнением оглядывает нашу покупку.

– Лиза, твоя версия?

– Парфюмерия!

– Вовсе нет! Дерево! – Торжествуя, я открываю бумажный кулек.

– Не может быть!

Все заглядывают в пакетик. Там, упакованный в бумагу с пупырышками, торчит из крохотного жестяного ведерка росток оливы с серебристыми листиками. Оркестр пересек улицу, гремя медью.

– Видимо, пожарников надо было чем-то занимать в свободное время, вот их и вовлекли в филармоническое общество. Отсюда образовалась традиция духовым оркестрам носить пожарные каски, – замечает Толя, и я понимаю, что, поглядывая на веселое Лизино лицо, он сожалеет, что сын уже уехал. Я тоже сожалею, но в другом смысле: он же все-таки далеко не ребенок, а тут такая милая девушка, из такой приличной семьи...

– Как они смешно идут! – Лиза выставила в стороны растопыренные ладошки и прошлась вперед, переваливаясь, как уточка, и покачивая головкой, словно на ней был плюмаж, – очень похоже!

Мы все залезаем в машину и несколько минут ждем, пока она остынет. Дерево пристраиваем на заднем сиденье, между мной и Лизой. Отец максим везет нас в деревушку, где они с дочерью останавливаются уже не первый год. Обедаем в таверне у самого синего моря. В тени олив, за кувшином розового вина, под плеск прибоя, натурально как греческие философы, ведем неспешную беседу. Дерево отнесли в комнату: там прохладнее.

– Батюшка, как можно отличить веру от суеверия?

– А какой мерой измерить? нельзя выставить формальную шкалу и по ней определять: вера – суеверие. Для одного человека помолиться о здоровье, попросить успеха в делах, сохранить листик от мощей – будет шаг к небу, а для того, кто прикоснулся уже к поклонению Богу в духе и истине, к опытному знанию, что искать нужно единого на потребу, тот же листик – шаг вниз.

– Лоуренс Даррелл, – вставляю я, – пишет, что корфиоты почитают святого Спиридона как главного покровителя и защитника острова, но относятся к нему как будто бы даже с некоторой фамильярностью. Вот, например, он передает рассказ моряка, который попал в сильный шторм и едва не утонул. Поняв, что он в опасности, моряк – по его словам – немедленно привлёк к делу Спиридона, но святой, видимо, был занят другими заботами, и поэтому лодка перевернулась. У нас почти не знают старшего Даррелла, – продолжаю любимую тему, – а ведь он, между прочим, нобелевский лауреат.

– Не понимаю, почему ты упорно называешь его нобелевским лауреатом? – сердится Толя. – Я нашел полный список за много лет, и там нет его фамилии!

– Может, ты смотрел лауреатов премии мира?

Пока мы препираемся, отец максим быстро нажимает кнопки айфона.

– Вы правы оба, – смеется он. – Лоуренс Даррелл действительно был выдвинут на нобелевку по литературе, но не прошел по конкурсу!

У лодочного сарая дремали три грека. Один, в приспущенных красных трусах, возлежал на кушетке. Круглый, покрытый курчавыми волосками живот мерно вздымался и опадал. Другой спал в полосатом кресле, раскинув в стороны руки и доверчиво раскрывая миру беззащитную грудь. Третий расположился прямо на песке, прислонившись спиной к сараю и надвинув до подбородка замусоленный козырек.

– Э, насчет лодки. – Я мотнула головой в сторону прибоя, где покачивались три белых плавсредства. – До Калами нас не довезете?

Тот, который дремал в кресле, приоткрыл глаз и задумчиво почесал грудь.

– До Калами? — Он замолчал, словно припоминая название деревни, которая находилась в десяти минутах пути на катамаране. – нет, мы сдаем лодки только на целый день. Он бесильно уронил поднятую для чесания руку и закрыл глаз. Я вернулась к столику.

– Это вы заказывали такси на четыре часа? – спросил вдруг официант.

– Да, заказывали, сразу, как пришли, заказывали! – встрепенулись мы, пораженные, что такси по-явилось вовремя. – неужели пришло?

– нет, но я подумал, что пора позвонить. – Официант подхватил опустевшие тарелки. – Еще вина?

– Пошли купаться! – сказал отец максим.

Выкидывая над водой руки, мужчины быстро поплыли к буйку. Я потопталась на мокрой гальке, глядя им вслед с вечной тревогой: ну вот, почему обязательно надо заплывать так далеко?

«Впрочем, – подумала я вдруг свободно и расслабленно, – вдвоем не страшно». И нырнула в теплую воду.

3

Я просыпаюсь раньше цикад. Дома, яхты, сады – все недвижимо, как театральная декорация, и я, зрителем расположившись на балконе, жду начала спектакля.

Первый звонок подает петух. Как настройка оркестра, звучат птичьи голоса. Солнце встает, выпуская розовые, как пальчики, лучи: вот она, розовоперстая заря! Зашевелились яхты, одна, другая... По очереди, куст за кустом, вступает хор цикад. Около двери Белого дома останавливается пикап, оттуда вылезает коренастый грек, неся на одной руке тунца, мокрого, с выпученными глазами. на камнях появляется первый пловец, потягивается во всю ширь и с

размаху сигает в воду. Веером разбрасывая белую пыль, несется катер с лыжником на полусогнутых ногах. С террасы тянет яичницей и беконом. Мы уезжаем. Вещи собраны, такси заказано за два дня.

– Я искупаюсь напоследок?

Я сижу на теплом, не остывшем за ночь камне, обхватив ноги. Муж вышел на берег, постоял немного, глядя на залив. Капли воды переливались на загорелой коже.

– Пора, – сказал он наконец, – пойдем. – И протянул мне руку.

Все стало ясным в белом свете дня, отчетливым и законченным, как замысел. Как божественный замысел. Я увидела, явственно и спокойно, как однажды, в положенный нам день, он также протянет мне руку и скажет:

– Пора. Пойдем.

Там где водятся ангелы.

С высоты, например с самолета, Халкидики похожи на трехпалую ладошку.

Три пальца: нарядная Кассандра, лесистая Ситония и благородный Афон. наша деревня расположена на том краю Ситонии, который узкий пролив отделяет от полуострова, где обосновалась знаменитая монашеская республика. И хоть каждое утро, если, конечно, не проспал, выходи на балкон и любуйся, как солнце встает над Афоном.

Глава 1

Прямо напротив горы

Если заплыть далеко, так, чтобы вода доставала до шеи, то можно увидеть всю деревушку разом.

Золотистая дуга пляжа с цветастыми зонтиками и рядок белых домиков с плоскими крышами с двух концов ограничены утесами. Позади пансионатов лежит единственная продольная улица с лавочками, тавернами и таким же строем домиков, только подешевле тех, что с видом на море. Параллельно улице несется автострада, за ней – несколько вилл, и все это огораживается круглой, как высокий испанский гребень, линией лесистых холмов.

Главная улица пересекается ручейком, который зимой течет с холмов в море, а летом пересыхает и служит межой между тихой частью деревушки и торговой, туристической.

Песок на пляже – золотой. Не метафора, нет. Рядом с Афоном обнаружили золотую жилу, и пирит — обманка, которая всегда сопровождает драгоценный металл, – рассыпан в здешнем песке, как крупа, взвесью стоит в прибрежной волне. Обманка, но очень красиво. В каком-то смысле все-таки получилась метафора. На самом краю деревни высится красивый византийский храм, к которому жмутся одноэтажные оштукатуренные домики, крытые черепицей. Это и есть натуральная деревня, какой она была до туристического расцвета.

В кофейне на площади, где стекаются тесные поперечные улочки, я увидела панорамный снимок деревни в семидесятые годы. Храм, десяток домов с виноградниками, рыбацьи лодки, сети...

Вся эта белоснежная туристическая красота построена уже в новейшую историю, на гранты Евросоюза.

С позапрошлого года, когда мы впервые оказались в этом местечке, многое изменилось. Там, где была булочная, теперь подают кофе; таверны, где столики стояли прямо на траве, дотянулись прямо до пляжа, и даже в нашем пансионе обновили винтовую лестницу. Признаться, боялась увидеть следы экономии и упадка, – ничего подобного! В лавочках не протолкнуться, вечером в ресторане не найти свободного места, а променад, который прежде заканчивался у сухой речушки, теперь дотянулся до края деревни.

– Как бизнес? – спросила я хозяина нашего пансиона.

Лицо Кростоса, всегда сияющее навстречу постояльцу, мгновенно приняло печальное выражение. Повернувшись спиной к переполненному дому, где мы, кстати, свою комнату бронировали с января, он покрутил в воздухе руками и вздохнул:

– Ни шатко ни валко.

– Кростос, – рассмеялась я, – мне иногда кажется, что вы, греки, дурите всю Европу.

Кростос приглашающе махнул рукой, и мы сели за белый столик под виноградной лозой.

– Понимаешь, – сказал он, разливая нам по стаканчикам холодную рецину, – есть две Греции. Деревенская Греция и городская.

Сам Кростос горожанин. на деньги, которые он зарабатывает летом, его дочка зимой учится в балет-ной школе. Седая шевелюра, очки на решительном носу, а руки, которые лежат сейчас на столе прямо перед моими глазами, – загорелые крепкие руки крестьянина.

Мы потягивали вино, которое отдавало сосновыми иголками, и рассуждали о том, что деревня живет летним трудом, об урожае оливок, о сложностях с визой, которые мешают потоку русских туристов, о волнениях в Египте, которые неплохо отразились на местном туризме.

С мая по октябрь все побережье превращается в большой отель, который потребляет оливковое масло, вино, арбузы, кукурузу, труд и время.

А зимой деревушка пустеет, даже покушать не найти. Все переселяются в города.

И занимаются политикой. новые гранты выбивают.

Хитроумные греки.

Выбрали мы эту деревушку за близость к Афону. Низкая гряда, похожая на линию кардиограммы, тянется до середины горизонта и вырастает внезапно в огромную гору. Нас от нее отделяет узкий залив, и при ясном свете видны серые наросты монастырей, белые снежные пятна на вершине и даже причал.

Тетенок, как известно, туда не пускают. Я, как верная Пенелопа, несколько дней жду, сидя на балконе, и вглядываюсь в резкие черты Афона, словно пытаюсь разглядеть, где там, какими тропами идет мой паломник.

В деревушке даже сложилась специальная туристическая услуга: дамский коллектив сажают на кате-рок и обвозят вокруг Афона, причем довольно близко, так что, говорят, видно, как рыбачат на берегу монахи.

Но как-то меня эта идея не прельстила: что-то в ней мне показалось сильно экскурсионное. Мне тем более и с берега хорошо видно. А муж вернется – расскажет.

Глава 2

Гроза

Расположилась на балконе, как в театральной ложе.

Бушует синее море. Волны высотой с человеческий рост, и даже самые отчаянные смельчаки вылезли из воды. Деревушка стихает, и удары прибоя звучат, как колокол: «Бум! Бум!»

Темнеет быстро, горизонт сначала становится сиреневым, потом темно-синим, а сейчас небо окрасилось в яркий чернильный цвет. Где-то далеко за гори-зонтом шуршит гром. Звезд нет совсем. Контуры Афона размылись в синеве, но вдруг, прямо над вершиной, сверкает золотой зигзаг молнии, вся гора освещается на мгновение и снова гаснет во тьме.

Глава 3

Зонтик

Купила пляжный зонтик.

Сразу поняла, что самой мне его не собрать: одну трубочку следует каким-то образом впихнуть в другую, раскрыть до упора и чем-то щелкнуть. И все это вместе ввинтить в песок, да так, чтобы завтра не пришлось по-купать следующий, типа сериала «Унесенные ветром».

Есть проверенный способ: ни один мужчина не может усидеть, когда на его глазах беспомощная тетенька ковыряется с техникой. Пусть даже с зонтиком.

Приволоклась на пляж. Наметанным взглядом окинула диспозицию и уверенно выбрала место между круглолицым славянином с усиками, как у Швейка, и поджарым немцем в клетчатых трусах.

Распаковала зонт и неуверенно ткнула одной частью в другую. Славянин отложил книгу. Немец приподнялся на локте. Нажала кнопку, и пестрое полотнище раскрылось, накрыв меня с головой. Клетчатый сел. Славянин расправил усы.

Я ввинтила ножку в золотистый песок. И мы все трое разочарованно раскинулись на песке.

Следующим утром зонт устанавливал англичанин с седыми бакенбардами и трубкой в белоснежных зубах. Никогда еще отсутствие брюк на мужчине не приводило меня в такую оторопь. Вбив зонт в песок одним ударом, он покачал головой, как бы заранее отвергая благодарность, и снова спрятался за газетой.

Интересно, кстати, у каждого своя методика.

Молодой серб, оставив загоравшую рядом с ним даму, которую немного портила сутулость, – все остальное, впрочем, только украшало, – сначала раз-ввинтил всю конструкцию, собрал ее заново и только потом прихлопнул зонт по макушке.

А вот грек, который подхватил зонт, когда тот уже совсем было скатился в море, – стройный и чернокудрый грек, только будто соскочивший с амфоры, небрежно воткнул его в песок, поймал второй раз и засмеялся:

– Это становится работой!

Короче, сериал и правда пора было снимать, но под названием «Дружба народов». Картина: в центре кадра я, с беспомощно разведенными руками, а рядом со мной, в жанре ускоренной киносъемки, сменяются мужчины, вкручивая в песок этот дурацкий зонт.

А ведь придется возиться с ним, чтобы прикрывать белое тело от солнца, пока не загорю. Или пока, наконец, не придет муж.

Представьте: он появится на пляже, держа на плече, как пику, уже знакомый всем зонт в голубой цветочек. Словно Нил Армстронг, вбивающий флагшток в лунную пыль, он вставит в золотой песок стройную зонтичью ножку.

Оглядится по сторонам, надвинув на лоб кепарик. И мы побежим купаться.

Глава 4

Славянский базар

В этой части Эллады не знают, что они банкроты. Бывшая бедная рыбацкая деревушка вся, до последней халупы, сдается летним туристам. Двухэтажные пансионаты плотно прижаты друг к другу и к узкому золотому пляжу. Во двориках, которые примыкают к старым домишкам, помещаются дерево и стул. Инжир или грецкий орех, достигнув плоской крыши, сгибается так низко, что старушка в черном платке, которая мирно дремлет у крылечка, может, вдруг востропавшись, дотянуться до плода рукой и сорвать его, не вставая.

Греческие власти отменили визы для сербов. Во-сточных европейцев здесь и всегда было много, ведь от Будапешта, например, до Салоник ехать на машине не больше шести часов. Гостиницу с витыми лесенками и круговыми террасами, которая располагалась на самом краю деревни, я переименовала в «Славянский базар».

Полные женщины с белыми полосками на красных распаренных телах, мужчины с мясистыми носами и золотыми крестами на толстых цепочках: Боже-на, Яна, Барбара гомонят, варят в широких кастрюлях макароны, сушат детские майки, а Бранко со всего раз маху вонзает нож в полосатый арбузный бок. На картонном щите у входа в таверну неуверенными печатными буквами начертано: «Свинский ша-шлык». Столики уперлись ногами в траву. Кувшин с вином, мягкие скользкие маслины, мелкая рыбешка. Медленно поворачивается на вертеле бараний бок. На запах подтягиваются собаки. Я их подкармливаю – Разбойника, Рыжего и мамашу. Поделив пространство вокруг столика, они занимают позиции, положив на лапы ободранные морды, и внимательно провожают взглядами каждый кусок.

С дорожки сворачивает сенегалец с набором фальшивого товара. Собаки вскакивают и с гневным лаем кидаются на продавца прежде, чем тот успеваеьт раскрыть перед нами короб с часами, цепочками и дешевыми побрякушками. Изгнав пришельца, они возвращаются на свои места, ворча и поминутно оглядываясь. Что они в нем почуяли, как отличили от правильного посетителя, который пришел в таверну с единственной целью – поделиться с ними косточкой?

Через пару недель славянский базар превращается в немецкую колонию. Полторы улочки забиты черными «БмВ». Ночная гроза, как нарочно, смывает мел с черных досок, выставленных у ресторанов, и кириллица, сулившая посетителям «пленных чушек», уступает место латинице. В нашей гостинице тоже перемены. Тихо. Исчезли крепкие мужчины с круглыми голыми животами и женщины, которые, свесившись с балкона до угрозы падения, окликали друг друга милым звательным падежом: «Мамо! Доче!» немцы вечерами бесшумно играют в карты и уходят ужинать в ресторан. По утрам они просыпаются даже прежде меня – а я встаю по московскому времени, – уже пьют кофе и вежливо кивают, когда я появляюсь на террасе со своей кружкой. Розовоперстая Аврора, притихнув, освещает худощавых женщин и коротко стриженных мужчин в чистых белых майках.

Угол соседнего дома занимает булочная. Сквозь стеклянные стены видны пироги, плачнды, противень с пышным лимонным кексом и медоточивыми греческими сладостями. С обеих сторон заведения расставлены столики, за которыми можно позавтракать горячим пирожком со шпинатом и сыром, запивая купленным тут же кефиром.

Ровно в девять утра с балкона второго этажа спускается веревка с привязанной к ней корзинкой. Булочник в белом фартуке не спеша вылезает из-за прилавка и выходит на улицу. Придерживая рукой высокий колпак, он задирает голову и ведет переговоры со старушкой, которая едва видна за перилами балкона. Смысл спора темен, но по ленивому ожесточению сторон видно, что ежеутренний ритуал бодрит их обоих. наконец он удаляется, расправляя двумя ладонями складки на белом животе. Вернувшись через пару минут, булочник укладывает в корзинку пакет с пирожком.

– Эф харисто! – кивает старушка и тянет веревку вверх, перебирая руками с ловкостью корабельного матроса.

Утро разгорается все жарче, и столики, особенно те, которые расположены на улочке, ведущей к морю, заполняются народом. – Обрати внимание, – говорит мой спутник. – немцы, с какой бы они стороны ни подходили к булочной, всегда обогнут угол и войдут во вторую дверь. Присмотрись!

Сначала поджарый господин в очках, потом – белокурая сухопарая дама, за ней – два молодых велосипедиста с рюкзаками, папаша с дочкой, причем девочка бежала впереди и почти уже свернула в первую дверь, но отец прикрикнул строго, и они двинулись за угол, как и все. Наш брат славянин пер в первую дверь.

Заинтригованная, я несколько минут наблюдала загадочную и добровольную сегрегацию.

– Слушай, – изумленно спросила я наконец своего приметливого мужа, – а в чем разница между этими дверями? Открой тайну золотого ключика!

– Первая дверь – это выход, а вторая – вход! – горделиво и вместе с тем скромно, чтобы не подавлять меня интеллектом, ответил он.

– А ты откуда знаешь? – еще более пораженная, вскричала я.

– А на них написано.

Скривившись, я повернулась к ближайшей двери и прочла: ‘Exit’.

– Ничего себе, – удивилась я, – десятый день хожу сюда и не замечала. Вот такие пироги.

Глава 5

Ночью на балконе.

Не в городе, а именно на берегу моря остро чувствуешь свою мелкость. Особенно в беззвездную ночь.

Пунктир огоньков едва высвечивает полосу пляжа; белая пена, которая появляется как ниоткуда, неизвестно куда исчезает, отхлынув от берега. А за ним, за прибором, над крошечными домиками, над невидными холмами встает мгла. Небо и море сливаются в единое целое, чему даже объема нет и цвета, не назовешь же его черным. мрак, бездна, тьма. Балкон, окруженный балюстрадой, освещен лампочкой, похожей на корабельный фонарь, да и сам балкон похож на корабль, который плывет в темноте, и теплый ветер подогревает эту иллюзию движения. Бьет волна, и человеческие голоса звучат в темноте, как птички.

Глава 6

Ограбление по-гречески.

Ночью воры проникли в храм и сорвали со стены икону. Храм византийский, с круглым терракотовым куполом, не просто храм, а подворье Афонского монастыря. Как и по всей Греции, храм – основание местной жизни. Они приходят сюда, как домой. Сидят, то есть полустоят, в высоких стульях с резными спинками, опираясь на подлокотники; спокойно передвигаются по всему пространству, нарядные, веселые, озабоченные; не колеблясь, поднимаются прямо к иконостасу, прикладываются к драгоценным окладам под дружный речитатив священников с блестящими черными бородами; теснятся, не тесня друг друга; раскладывают на столе в церковном дворике куличи, пироги, виноград, хлопчут, поют...

—
Сама деревушка корнями уходит глубоко в эллинскую эпоху, однако в новой истории она была за-селена где-то в последней четверти девятнадцатого века. К этому времени относится и сам Успенский храм.

А в день Успения Божьей матери, 15 августа, местные жители проводят фестиваль: праздничные службы, крестный ход, танцы и ярмарка и застолье, конечно. Средоточием всего этого и является храмовая икона Богородицы. Кростос, хозяин нашего пансиона, мрачно поведал подробности. Было заметно, что свой английский он тренирует на криминальных сериалах:

– Пользуясь темнотой, они проникли в церковь, незаконным методом приобрели икону со стены и со-вершили попытку скрыться. но! Провидение! – Тут Кростос поднял палец, словно уточняя, откуда именно явилось Провидение, и, выдержав паузу, достойную значимости события, продолжил:

– Прохожий, который случайно шел мимо дворика, заметил открытую дверь! Мы затаили дыхание.

– Простой турист. – Кростос развел руками и оглядел аудиторию, которая состояла из нас двоих, нескольких постояльцев, не без тревоги вникающих в историю ночного ограбления,

хозяйской дочки и белого кролика, который сидел у нее на руках и шевелил розовыми ушами, словно тоже переживал за свою клетку, которую иногда забывают запереть.

Убедившись, что он полностью владеет вниманием публики, Крестос торжествующе закончил:

– Он зашел в храм, воры увидели его, испугались и бросили добычу на пол!

Получив заслуженный театральный эффект, Крестос помрачнел. Стало заметно, что он расстроен и зол.

– Главное, что икона на месте! – наперебой подбодрили мы грека. – А что полиция?

– Что полиция? – горько отмахнулся тот. – Им главное, чтобы из музея ни одного черепка не пропало!

– Сильно разломали? – сочувственно спросили мы.

– Стекло разбито, оклад, само дерево...

Его тревожила еще какая-то мысль. Помявшись, он выдавил из себя фразу, которая многое меняла в его привычной жизни:

– Елена, вы закрывайте на ночь дверь на ключ. на всякий случай. Если они на саму Богородицу покусились... – Он не закончил фразу, неловко пожал плечами и, повернувшись, быстро зашагал вверх по улице. на собрание общины, он там важная шишка. Мы и впрямь, как и все здесь, спали, закрыв дверь легкой шторой. ночная прохлада сочилась в комнату, легкое движение воздуха приносило запах моря, и казалось, что ты спишь прямо на берегу. Воры отнимают у нас покой.

К полудню жара поднялась до сорока градусов. Народ уже просто не вылезает из воды – только головы над поверхностью торчат. Перетаскиваем лежак вслед за тенью, которую, как стрелка солнечных часов, отбрасывает зонтик. Девушка из ближайшего бара при-несла ведро со льдом, раздала всем по кусочку и показала, что им надо обтереть все тело.

Наконец переселяемся под прохладную сень террасы, увитой узловатой виноградной лозой. Местная публика расположилась там с утра и обсуждает последние события. Их волнение понятно: до праздника осталось пара недель. Специалист, срочно вызванный из Салоник, говорит, что реставрация иконы – дело тонкое, спешить нельзя. Теперь все гадают, успеет ли он завершить дело к крестному ходу. А как проводить его без старой иконы, – третий век ходим в этом порядке!

Версий происшествия много:

– Орудует банда сербов, пятнадцать человек, делятся на группы по трое, вот почему за одну ночь несколько ограблений.

– Это приехали английские гастролеры. Лондонские жулики самые ловкие.

– Местные, а именно бывший полицейский. Его сократили в связи с кризисом, и он теперь доказывает, как без него плохо.

– Албанцы.

Но на это все машут небрежно ладонями и кричат:

«У тебя всегда во всем виноваты албанцы!»

Коричневые лица замирают, и дымок от сигарет дополняет их схожесть с индейцами, недвижно сидящими вокруг костра.

Маленькая, как птичка, старушка в черном платье, с круглыми, живыми, как у птички же, глазами, сидит на табуретке, положив на пластиковый стол темные тонкие руки. Она молчит, время от времени поднимает взгляд на спорщиков и снова опускает его, глядя прямо перед собой, на сплетенные пальцы. Только видно, как едва шевелятся губы, словно она разговаривает с кем-то.

А если прислушаться, то даже понятно с кем.

Жаль, что мы не попадаем в этом году на крестный ход.

Бармен приносит поднос с малюсенькими чашечками. Как можно пить раскаленный кофе в такую жару?

Глава 7

Он плыл со стороны Афона

Однажды я чуть не утонула. Причем вообще, что называется, на пустом месте. То есть место-то как раз было не пустое, а полное волн, но глупость получалась несусветная. Заметьте, купались вместе с мужем. Он, как обычно, заплыл невесть куда далеко и там качался на волнах, как маятник, вместо того чтобы не сводить взгляда с жены.

А я увлеклась. Я люблю, когда волны. Как пишут в английских романах: там, откуда я родом... Родом-то я, как известно, из Петербурга, но детство подростковое провела на берегу Тихого океана, где служил на кораблях мой отец. Время тогда было вегетарианское, и считалось совершенно естественным, что компания девчонок выходит на шоссе, голосует, любая встречающая машина подхватывает их и за полчаса довозит от военного городка до бухты Тинкан. С собой мама вы-давала мне ломоть хлеба и помидоры, огромные, в два-три обычных. Здесь такие не растут. Назывались они «бычье сердце». И так все летние дни мы болтались по песчаному пляжу, по камням забирались в пещеры с мокрым песком под босыми ногами, собирали раскрытые, как веер, раковины, сухие морские звезды и скелеты морских ежей, похожие на панцири. Ловили гребешков, трепангов и еще какую-то морскую мелочь и варили их в консервной банке на костерке. Так вот, океанские волны – это как на картине Айвазовского «Девятый вал». Даже удивительно, что никто из нас ни разу не утонул. Так что страха у меня перед морем нет, привычка.

Раз уж отвлеклась, отвлекусь окончательно. Когда меня занесло в Калифорнию, я прямо из аэропорта поехала к своей приятельнице, которая жила в деревянном домике в Окленде, прямо на берегу океана. Я вышла из машины и в ту же минуту всем своим существом осознала, что нахожусь в исключительно родном месте. минута на раздумье – и я догадалась: запах Тихого океана!

Итак, это все воспоминания, а по ходу рассказа я нахожусь в Эгейском море, купаюсь, там волны, а муж уплыл далеко. Волны набегают. И я, расслабленная детским счастьем пляжной жизни, ныряю в поднимающуюся надо мной зеленую стену, потом в другую, а тут же подлетает еще одна, другая, третья... И вдруг я обнаруживаю, что под ногами нет дна, берег отодвинулся на несколько метров, а вокруг никого, одни волны. Плаваю я неплохо. но, знаете ли, не в шторм. Через пару минут я сообразила, что не двигаюсь с места и все это уже совсем не смешно. На берегу – в нескольких метрах! – счастливые люди жарились на солнышке, перекидывались мячиком, жевали пончики, а на меня налегали тяжелые, холодные, равнодушные волны. Из веселых, нарядных и ласковых они вдруг стали неумолимые и упругие. Я поняла, что не справляюсь. В трудные минуты – таких по-настоящему трудных было в жизни немного, но случалось, – так вот, в трудные минуты меня обычно спасает самообладание. С абсолютно трезвой ясностью я поняла, что сейчас утону.

Глупее ничего придумать нельзя. Где в трех метрах от меня плавает этот дурак (пardon, но я подумала именно так), в четырех – берег, полный людей, а я – утону. Силы у меня есть. но их нельзя тратить на бессмысленное сопротивление. Оставшуюся энергию и ясность ума надо потратить на спасение.

Я вытянула вверх руку и сколько могла высоко вытянулась за ней сама. неподалеку от меня, на полдороге к берегу, ковырялась пара. Женщина, как и я, уже с трудом сопротивлялась волнам, но муж – он стоял твердо ногами на дне и медленно, но верно тянул ее к берегу. Он услышал мой писк, обернулся, пожал плечами и кивнул в сторону торчащей из воды женской головы, типа, ну не могу же я ее бросить! Мне трудно было понять, мог он или не мог оставить

одну тетку, сплавать, спасти другую, потом снова вернуться к той, первой, но что он точно мог – так это крикнуть и позвать на помощь: он был уже совсем близко от пляжа, и начини он лихорадочно махать руками или подавать другие сигналы бедствия, то на-шлись бы герои и без него. может, и муж бы мой услышал. но нет. Дядька еще раз, как бы извиняясь или прощаясь навеки, пожал плечами и отвернулся, а я начала захлебываться. И тут бы мне, друзья, наступил конец, причем глупый, неприличный и абсолютно неуместный конец!

—

Он плыл со стороны Афона. Поверьте мне, море было абсолютно пустым, и откуда появился мой спаситель – не ведаю. Знаю только, что он плыл со стороны Афона.

– не волнуйся, – сказал он, и я слышала, хотя был он еще далеко и волны закатывали меня уже по самую макушку. – Я здесь. Ну вы не поверите мне, но он был красив, словно сошел, сплыл с греческой амфоры. Я увидела его только один раз, когда, вынырнув на поверхность, обернулась на этот спокойный голос и белые руки, которые уверенным брасом несли ко мне человека с узким лицом. Больше я его не видела. В какой-то момент я почувствовала, как уверенная ладонь легла на мою руку, крепко ухватила ее, и я поплыла сама, не цепляясь и не боясь, отталкиваясь ногами от противной воды. Плыть-то всего надо было пару метров. Все та же рука уверенно вывела меня на песок, и я закашлялась, схватилась за горло, ловя дыхание. А дальше было как во всех сентиментальных историях: когда я выпрямилась и огляделась, его уже не было.

Будем считать, что это был ангел.

Глава 8

В таверне

Виноград почернел, и отяжелевшие кисти нависли над фонтаном, почти достигая тоненькой струйки. фонтан – круглая каменная кладка, внутри – два металлических обруча с дырочками для веселой воды.

Он стоит посредине таверны, в той ее части, которая покрыта виноградным плетением. Столики застелены скатерками в клетку; на столбиках, поддерживающих деревянную крышу, висят чесночные косы.

Держит таверну семья. Хозяйка принимает заказы, двое шустрых парнишек разносят на подносах с цепочками кувшины с вином и лед. Папа – повар, кудрявый, как бог Пан; он иногда выходит, чтобы поболтать с гостями; на крыльце у соседнего входа в домик, под развесистой акацией, сидит бабушка в черном обтягивающем платье и караулит мелкоту.

Я люблю к ним ходить. Во-первых, недалеко, а во-вторых, прямо рядом с ними лодочная станция, отделенная от пляжа веревочкой с буйками. За эту веревочку я держусь, когда большие волны. Боюсь, унесет. Что вы без меня будете делать?

Кормят здесь вкусно везде. В нашей деревушке развлечений мало, прямо скажем, никаких, и поэтому главное событие дня – это ужин. Таверны стоят вплотную вдоль моря. Часть столиков под накрытием, а часть прямо на траве, так что можно сидеть босиком.

Днем можно и просто в купальнике, но вечером все любят приодеться. Здесь это означает, что кавалеры натягивают шорты, а дамы бросают поверх загара какую-нибудь прозрачную тряпочку с блестками.

Коронное местное блюдо – гирос. Это типа нашей шавермы, только вкусно. Гиросом на вынос и в тарелках торгуют здесь на каждом углу. на каждом втором, кстати, продают вареную кукурузу.

Ее, кукурузу, как и пончики, разносят дополнительно по пляжу специальные разносчики в широких шляпах. В пончики втыкают маленькие флажки.

Самым шикарным считается козленок на вертеле. Его подают лишь в нескольких местах и по особой договоренности. мы как-то решились. Утром прогулялись до ресторанчика с названием «неряида» и ушли на пляж. Возвращаемся вечером, прожженные насквозь, и видим, что навстречу бежит наш хозяин, Кристас.

– Елена! – кричит он. – Где вы ходите?! Козленок уже готов, два раза звонили, и один раз посыльный из «неряиды» прибежал!

Они все друг про дружку знают. Как-то спросили Кростоса:

– А бывают здесь русские?

Тот мгновенно ответил:

– Сегодня было три машины с русскими номерами.

Специфика – вся еда из окрестных деревень. У помидоров вкус помидоров, арбузы сладкие, перец жжет. Меню, конечно, тебе подадут, и там даже будут написаны слова и цифры. но действовать надо по-другому.

– А что у вас сегодня из приготовленного?

И рестораник, задумавшись, словно я сегодня первая делаю заказ, начнет перечислять: мусака, перец, фаршированный рисом и травами, запеченная в печи баранина, мясо в виноградных листьях...

Про рыбу не говорят. Ее показывают. Тебя заводят в недра пустого зала – это зимний зал, летом его даже не открывают, – и повар выносит поднос, где, припорошенные колотым льдом, лежат скользкие рыбины.

– Сегодня у нас редкая рыба – скорпион. – Повар поднимает за жабры создание алого цвета и уважительно подносит мне прямо к лицу: – Вам поджарить или гриль?

Перед рыбным рестораном воткнуты две палочки, перетянутые веревкой. на ней, как сохнувшее белье, висят октопусы. Конструкция служит и вывеской, и рекламой, и хранилищем. можно подойти, сфоткаться и тут же выбрать понравившуюся ногу.

Как-то еще в самом начале путешествия муж раскрыл меню и попросил единственную рыбу, название которой он может произносить по-английски: красные мулеты. По-нашему это красноперка, она всю водится на Дальнем Востоке.

Официанты заволновались. Пришел главный.

– Сегодня не привезли. Точно будет завтра.

На следующий день, очень жаркий, мы устроились не на песке, а рядом с пляжем, под широкой смоковницей. Около часа к нам подбежал молодой человек в белой куртке.

– Лодка уже в порту! – закричал он, только завидев нас. Портом они, кстати, называют дощатый пирс, где одновременно могут припарковаться три рыбацкие лодки и один прогулочный катер.

– минут через пятнадцать будет уже на кухне!

Вы еще поплавайте, а как будет готово – я вам с берега помашу!

На столе, обуреваемая бризом, стояла миска с греческим салатом, как бы прихлопнутая сверху белым ломтем феты; жареные целиковые красные перцы, чуть sprysnutyе виноградным укусом; корзинка с ломтями горчичного хлеба; сосуд с оливковым маслом и пузатенькая бутылочка домашнего вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.